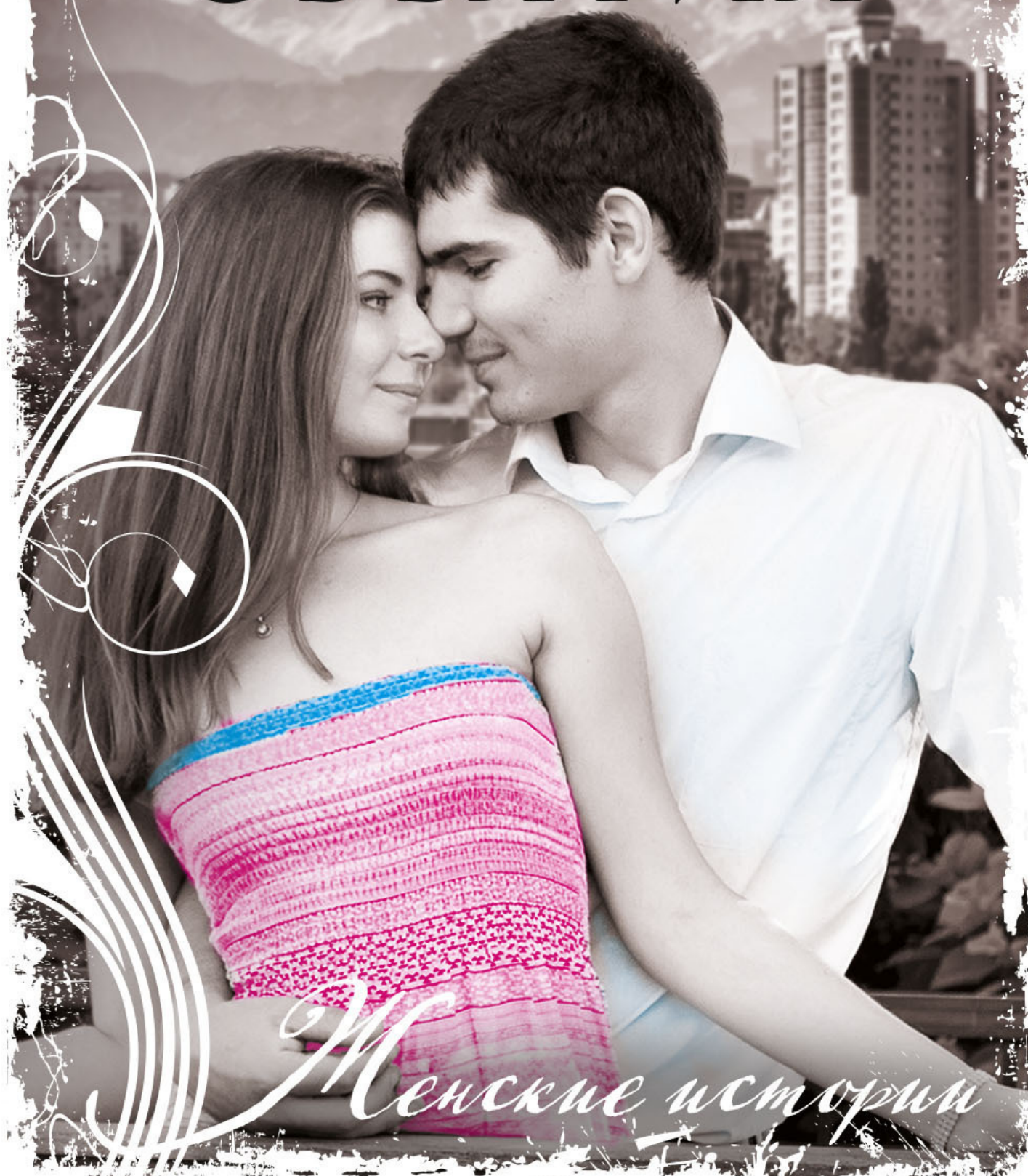

Екатерина
Шрейбер

ЛЕДЯНЫЕ ОБЪЯТИЯ

Мужские истории

Женские истории (Центрполиграф)

Екатерина Шрейбер

Ледяные объятия

«Центрполиграф»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Шрейбер Е. М.

Ледяные объятия / Е. М. Шрейбер — «Центрполиграф»,
2022 — (Женские истории (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-10062-7

Два события, изменившие жизнь Светланы, случаются в один день. Она узнаёт о своей беременности и получает сообщение, что её муж, сплававшийся по горной реке, пропал без вести... Спустя четыре года Света ведёт успешный бизнес и воспитывает дочь, но душа её не может примириться, что Максима нет. Не всё было ладно в их отношениях перед его путешествием: тонкие трещинки непонимания и недоверия становились всё глубже, разрушали их, казавшийся прочным, полным доверия и любви, брак... Снедаемая беспокойством и тревогой, однажды она входит в кабинет мужа, в котором всё осталось, как было при нём, включает его компьютер и обнаруживает письмо, присланное около полугода назад... И принимает решение: она поедет туда, где пропал Максим, и докопается до правды, какой бы она ни была.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-10062-7

© Шрейбер Е. М., 2022
© Центрполиграф, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Екатерина Михайловна Шрейбер

Ледяные объятия

© Шрейбер Е.М., 2022

© «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2022

Глава 1

Вернись ко мне

«Этого не должно было случиться. Только не сейчас, только не так. Я не хочу ребёнка!»

Перед глазами Светы стоял чёрно-белый экран УЗИ-аппарата, на котором пульсировала точка, обозначающая сердце ребёнка, а в ушах звучал голос врача: «Беременность пять недель».

Она не сразу услышала звонок сквозь уличный шум, выдернула телефон из сумочки, надеясь сбросить вызов и избежать ненужного разговора, кто бы ни звонил, и, только увидев незнакомый международный номер, всполошилась. Вдруг это Макс?

Чужой серьёзный голос звучал чётко, так, что нельзя было сослаться на помехи связи, акцент или шум машин, проезжающих в нескольких метрах от тротуара. Она услышала каждый слог, каждое слово. Никаких эмоций, только информация.

– Светлана Владимировна Анциферова? Майор Кунанбаев, Комитет по чрезвычайным ситуациям МВД Казахстана. Максим Анатольевич Анциферов – ваш муж? Вчера в двенадцать часов пятнадцать минут во время сплава по реке Чилик он выпал из катамарана. Несмотря на все предпринятые меры, его не смогли найти. Мы продолжаем поиски...

Какая зелёная трава. Как будто сейчас не июнь, а май, самое начало, когда на берёзах только начинают распускаться маленькие блестящие слегка колючие листочки и утренний воздух пахнет не выхлопными газами, а едва уловимой свежестью ночного дождя.

Света стояла посреди оживлённой улицы большого города с телефоном в опущенной руке. Потоки людей огибали её с обеих сторон, и никто не замечал пустоты в распахнутых голубых глазах. Она смотрела в никуда, ожидая, что вот-вот пронзительный ужас вопьётся во внутренности и начнёт рвать её на части, но чувствовала лишь оцепенение.

«Макс вернётся, и мы всё решим. Вернётся. Нужно сделать шаг. Хотя бы один шаг. И тогда я смогу сдвинуться с места. Потом доберусь до дома. И скоро мне снова позвонят. Его найдут, конечно, найдут. Нужно только подождать. Совсем чуть-чуть».

Дом находился в пяти минутах ходьбы от медицинского центра, но этот путь занял целую вечность. Очутившись в тишине и прохладе квартиры, в знакомой обстановке, Света рухнула на диван и вцепилась в него дрожащими пальцами, чтобы не потерять связь с реальностью. На лбу выступил холодный пот, перед глазами поплыли тёмные круги, и её вырвало на гладкий, идеально чистый паркет.

Ей больше не позвонили. Звонила она сама. Много раз. Бесполезно. Макс не вернулся домой ни живым, ни мёртвым. Его тело забрала река.

Если бы четырнадцать лет назад она не пошла на вечеринку к старшекурсникам, куда её пригласила Жанна, всё было бы по-другому.

Сначала Света даже не заметила худого парня, сидевшего в углу с ноутбуком на коленях. Вокруг веселились студенты, пили пиво, громко, перебивая грохочущего из колонок «Мумий Тролля», спорили, смеялись. Она присела на краешек продавленной кровати, застеленной клетчатым колючим одеялом, и глотнула из банки дешёвый коктейль ядрёно-зелёного цвета. Жанна уже освоилась. Вовсю флиртowała с каким-то молодым человеком, всем своим видом показывая, что хоть она и первокурсница, но вполне опытная дама: то надувала губки, то заливисто смеялась.

Света завидовала её умению быстро и легко знакомиться, очаровывать, непринуждённо болтать. А потом случилось нечто, что изменило Светину жизнь раз и навсегда.

Парень с ноутбуком оторвался от своего занятия, заправил за ухо прядь чёрных волос, окинул гуляющую братию отрешённым взглядом и посмотрел прямо на Свету. Встретившись с ним глазами, она словно очутилась в невесомости:

тело стало лёгким и расслабленным. Что-то запульсировало внутри, посылая горячие потоки от сердца к конечностям. Исчезла шумная комната, растворились люди, смолкли звуки. Только этот взгляд существовал для неё одно бесконечно долгое мгновение.

Когда парень опустил глаза, снова уткнувшись в ноутбук, волшебство закончилось. Остаток вечера Света провела в полной изоляции, не откликаясь на попытки других ребят вовлечь её в беседу или заставить танцевать. Возможно, её сочли чудачкой, но таких среди студентов было немало. Как ни пыталась она уследить за незнакомцем, он исчез из компании незаметно, словно призрак.

Света больше не ходила по вечеринкам, решив, что не стоит тратить время на неудачные попытки влиться в коллектив. Просиживала за учебниками до поздней ночи, писала курсовые себе и одногруппникам, на отлично сдавала сессии и по-прежнему страдала от одиночества. Ей хотелось быть как все, но, видимо, не судьба. Шли месяцы, и Света почти позабыла о незнакомом парне с пронзительным взглядом, лишь иногда его смутный образ мерещился в толпе студентов.

Предстоящий экзамен по макроэкономике обещал стать самым сложным испытанием за весь первый курс. Света хорошо знала предмет, но преподавателя боялась до заикания. Низенький сгорбленный старичок в очках со стёклами в палец толщиной только выглядел безобидным:

он превосходно видел и слышал даже то, что творится на задних партах, и обожал задавать каверзные вопросы. Многие ворчали: мол, что он в свои годы, кроме марксизма-ленинизма, может знать! Но Лев Фадеевич был ходячей энциклопедией: он отлично разбирался не только в экономике, но и в истории, политике, культуре. Просто характер у него был скверный.

Покачиваясь от недосыпа, Света брела из читального зала в сторону ближайшего магазина. Она с утра ничего не ела и собиралась купить хотя бы булочку и пакет кефира – на большее всё равно не хватило бы денег. В глазах мелькали страницы из книг, которые распадались на фразы, а те, в свою очередь, на буквы. Сумерки сделали дорогу под ногами почти неразличимой.

Звук сигналящего автомобиля оглушил её. Чья-то рука дёрнула за ветровку так сильно, что затрещала ткань. Света взвизгнула и упала на землю.

– Эй, ты чего? В зомби превратилась?! – прокричал кто-то над ухом.

Она подняла глаза и с трудом сфокусировала взгляд на стоящем перед ней человеке. Тот самый парень с вечеринки. У него не было в руках ноутбука, но выглядел он в точности так же: длинные взлохмаченные волосы, чёрная толстовка, затёртые почти до дыр джинсы. Он возвышался над ней, как башня. Потом протянул ладонь и помог подняться.

– Ударилась? Идти можешь?

– Кажется, у меня шок, – пролепетала Света.

Парень ухмыльнулся и, легонько взяв её под руку, просто сказал:

– Пошли. Куда ты там шла.

Его звали Макс Анциферов, он учился на последнем курсе математического факультета и работал программистом в бурно развивающемся стартапе. Его профиль с длинным тонким носом, худая шея с выдающимся кадыком, сутулая спина и неуклюжая походка не казались ей ни красивыми, ни привлекательными. Высокий, нескладный подросток – да и только! Слишком умный, слишком странный. Но когда он начал рассказывать о своём детстве, родном Алматы, высоких, покрытых снегом горах и бескрайних степях Казахстана, Света пропала. Она чувствовала жаркий ветер на лице и аромат сочных дынь, тающих на губах, собственными

глазами видела высокие здания, широкие проспекты и тенистые парки. Впервые в жизни она забыла про предстоящий экзамен.

Они бесцельно гуляли по студенческому городку до середины ночи, и Свете не хотелось ни спать, ни есть. На следующее утро она сидела в аудитории с лёгкой и пустой головой, расслабленная, равнодушная даже к будущей оценке. Света механически оттараторила Льву Фадеевичу всё, что знала, без дрожи в голосе ответила на все каверзные вопросы и, получив зачётку, даже не взглянула на заслуженную пятёрку.

– Ну как?

Выплыв из аудитории, Света вздрогнула от неожиданного вопроса, раздавшегося за спиной. Макс стоял, прислонившись к стене: руки в карманах джинсов, волосы заправлены за уши, взгляд исподлобья, голос с хрипотцой. Сердце подпрыгнуло в груди от неожиданного впрыска адреналина. Он ждал её!

Света ощутила покалывание в губах, как будто сделала глоток шампанского, и тут же закружилась голова.

– Пятёрка.

Эйфория придала ей смелости. Она подошла к Максиму и взяла его за руку. В этот момент ей казалось, что она готова пойти с ним на край света, и, если бы он повёл её в свою комнату, раздел и уложил на кровать, она бы с радостью подчинилась. Но Макс лишь улыбнулся уголками губ и предложил угостить её самым вкусным пирожным, которое продавали в университетской столовой.

Они встречались каждый день после занятий в университете, и скоро Света поняла, что с утра до ночи думает только о Максиме. Ей стало всё равно, какие оценки она получает на зачётах и экзаменах, экономика уплывала от неё в туманные дали, стоило только возникнуть образу черноволосого парня. По ночам, ворочаясь в постели, она спрашивала себя, почему у них до сих пор нет секса? Макс старше её, наверняка опытнее. И он мужчина. Из рассказов студенток она сделала вывод, что всей сильной половине человечества во все времена нужно только одно – женское тело. «Может, я ему не нравлюсь? Что же делать? Как узнать? Может, спросить у Жанны?»

Выслушав вопрос, Жанна сделала круглые глаза:

– Ты до сих пор не спала с ним? Какой ужас! Он же бросит тебя при первой возможности. Слушай, в нём что-то есть. Если не поторопишься, я его у тебя уведу!

Света обиделась, но не подала виду. Жанна всегда сыпала остротами, никогда ничего не приукрашивала, но если что-то советовала, то говорила дело.

– Да ладно, шучу. Он слишком тощий. Одно могу сказать: поскорее выпрыгивай из трусиков.

На вечеринку по поводу окончания первого курса Света пришла с Максимом. Он явно неловко себя чувствовал среди быстро опьяневшего молодняка, устроившего весёлый пикник на закате прямо посреди футбольного поля. Сидел поодаль, обнимая ладонями всё не заканчивающуюся бутылку пива. Света разрывалась между ним и одноклассниками. Ей хотелось, чтобы Макс влился в компанию и все бы оценили, какой он начитанный, остроумный, взрослый. Но ничего не получалось.

Отлучившись в туалет, Света и представить не могла, какую картину застанет, когда вернётся.

Почти стемнело, но крики и смех разносились далеко вокруг места попойки. Все скинулись на пиво, но кто-то принёс бутылку водки, а закуска, как обычно, была весьма скудной: палка колбасы, булка хлеба и несколько пачек чипсов на десять человек. Компания начала разбиваться на парочки. Ступая по мягкой траве, Света вдруг заметила две фигуры, стоящие в стороне от остальных. Приблизившись, различила в сумраке Максима и Жанну. Худенькая девушка,

едва достающая ему макушкой до груди, высоко задрала голову и бессовестно обнимала парня. Ещё секунда, и она вопьётся в него поцелуем.

Сердце Светы подскочило к горлу и тут же ухнуло куда-то в желудок. Колени мелко затряслись. Она почувствовала непреодолимое желание развернуться и убежать. «Сбегу сейчас, и всё будет кончено». Непонятно откуда взявшаяся злость горячей волной прошла по телу и заставила щёки пылать. Света решительно направилась вперёд и рявкнула:

– Убери от него руки!

Жанна захихикала и пьяно пролепетала:

– Я же говорила, что уведу его.

– Это мы ещё посмотрим. Предательница!

– Идите оба к чёрту! Не умеете развлекаться.

Неровной походкой раздосадованная Жанна вернулась к остальной компании.

– Что у тебя с ней? – спросила Света у Макса.

– Ничего.

– Почему она тебя обнимала?

– Немного перебрала. Не обращай внимания. Я её не обнимал.

– Если ты... если хочешь... можешь идти к ней.

Макс удивлённо вскинул бровь и, кажется, даже криво усмехнулся. Потом сделал глубокий вдох, оглянувшись по сторонам и тихо спросил:

– Можно тебя обнять? Тебя, не её.

Света не протестовала. Почувствовав тёплые руки на спине и уткнувшись носом в его грудь, она моментально обмякла. Мысли разбежались в разные стороны, но кровь всё ещё стучала в висках. Она подняла голову и заглянула ему в лицо. В темноте глаз было почти не различить, но ей показалось, что из них струится мягкое обволакивающее сияние.

– Пойдём к тебе, – сказала Света, и он в ответ так сильно сжал её в объятиях, что перехватило дыхание.

Ноги несли её вперёд, словно подчиняясь чужой воле. Всё, чего она хотела, – остаться с ним наедине. Пусть потом она пожалеет, пусть её сердце разобьётся на тысячу осколков, тело не слушалось разума.

В крошечной комнатке, где Макс, как старшекурсник, жил один, Света, не зажигая лампы, стянула с себя одежду. Не думать, не решать, не сомневаться. Просто отдаться вспыхнувшему желанию, хотя бы раз в жизни отключить мозг, уступить, расслабиться. Тело вдруг стало чужим, руки и ноги не гнулись, и только в животе пульсировало что-то горячее, влажное, требовательное. Она замерла, не зная, что делать дальше, зажмурилась. Провалиться бы сквозь землю, оказаться где-нибудь в спасительном, безопасном одиночестве, исчезнуть! И тут же почувствовала близость Макса.

– Ты светишься в темноте. Я никогда не видел ничего красивее. Не бойся, – прошептал он и нежно прижал к себе.

Света выдохнула и обвила Макса руками в ответ.

Он стал её первым мужчиной: робким и страстным одновременно. В тот день Света поняла, что любовь – не для принцесс. Чувство, которое способно так выжигать душу и тело, может вынести только сильный человек.

Они гуляли, ходили в кино, иногда просто садились на электричку и ехали в самый дальний конец железнодорожной ветки, молча, держа друг друга за руку и глядя, как за окном мелькают жёлтые деревья, незнакомые станции, крохотные озера.

Макс получил диплом, снял квартиру недалеко от университета, и Света сразу же, без красивых приглашений и признаний в вечной любви, переехала к нему. Находиться рядом с ним было для неё так же естественно, как дышать. Они поженились. Без пышного праздника, отметив это событие в кругу самых близких.

Если бы кто-то сказал ей тогда, что через несколько лет всё рухнет – на пустом месте, без серьёзных причин, она бы ни за что не поверила.

– Алина, где твоя новая раскраска и фломастеры? Пора сделать из некрасивой принцессы красивую. Иди в свою комнату, пока мы с дядей Никитой поговорим, а потом покажешь нам, что у тебя получилось. Хорошо?

Смуглая, как цыганёнок, трёхлетняя девчушка тряхнула тёмными кудряшками: то ли соглашаясь, то ли противореча.

– Мам, хочу конфетку!

– Возьми и иди. Мы ненадолго. У нас очень-очень важные дела. От них зависит, как много конфет у тебя будет.

Когда Алина вышла из комнаты, Света продолжила разговор:

– Так вот, прибыль за прошлый месяц выросла на пятнадцать процентов, и это, как ты понимаешь, хорошо. Поэтому предлагаю расширить ассортимент. У нас одна заморозка, но ведь есть куча деликатесов типа осьминога горячего копчения, вяленой юколы или трепанга на меду. Это я у конкурентов подсмотрела. Разве у тебя от одних названий слюнки не потекли? Поможешь найти поставщика?

Напротив неё на диване, удобно развалившись на подушках, сидел молодой светловолосый мужчина – холёный, довольный, расслабленный.

– Без проблем. Попрошу Олега.

Света скривилась. Ей никогда не нравился брат Никиты.

– Да брось. Ты же знаешь, что у него больше связей в Хабаровске, чем у меня. Ему можно доверять! Он давно завязал с криминальным прошлым.

Она устало кивнула. В конце концов, она всегда соглашалась с ним. Почти всегда. А сегодня возражать просто не было сил: ей пришлось полдня провести в пробках и дышать выхлопными газами, потому что в автомобиле сломался кондиционер. Склад находился в одном конце города, типография, где нужно было забрать рекламные листовки, – в другом. Она перегрелась на неожиданно жарком весеннем солнце, голова стала тяжёлой и с трудом соображала. Но её напарник был свеж, воодушевлён и оптимистично настроен.

Интернет-магазин морепродуктов Дальнего Востока существовал уже восемь лет, с того самого момента, когда Света, тогда ещё свежеиспечённая выпускница экономического факультета, предложила мужу и его лучшему другу, выходцу из Хабаровска, открыть общий бизнес. Никита нашёл поставщиков, Макс создал сайт, Света занялась продажами, раскруткой, бухгалтерией. Через пару лет дела пошли в гору. К тому времени Никита уже руководил собственной IT-компанией, а Макс был ведущим программистом, но оба оказывали ей посильную поддержку. Бизнес развивался, и Света уверенно смотрела в будущее.

За эти годы Никита почти не изменился. Немного поправился, из подвижного студента превратился в солидного мужчину с намечающимся брюшком. Он всегда дорого одевался, презентабельно выглядел, по-прежнему был энергичен и напорист.

– Почему бы нам не выпить за успех? У меня как раз бутылочка шампанского завалилась, – подмигнул Никита.

– Ты с пустыми руками не приходишь. С тобой сопьёшься и не заметишь.

Света хотела отказаться, но, глядя на радостное лицо друга, махнула рукой. Шампанское так шампанское. Тем более Никита с его изысканным вкусом наверняка принёс хорошее итальянское просекко. Как обычно. Она могла даже угадать форму бутылки и цвет этикетки. Света сходила за высокими тонкостенными бокалами-флейтами, достала из холодильника ломтики свежего лосося и красиво расставила закуску на чайном столике в гостиной.

Пока Никита картинно открывал бутылку, изображая попытку испортить пробкой её идеально белый потолок, Света вздрогнула от лёгкого, колкого воспоминания. Когда они с Максом

купили эту квартиру, здесь было совершенно пусто. В воздухе висела бетонная пыль, серые, шершавые стены выглядели безжизненными и суровыми, но сколько радости дарила мысль: это их дом, первый, настоящий, свой! Сидя на толстом двуспальном матрасе, брошенном прямо на пол посреди гостиной, Макс пшикнул банкой тёплого пива и залил всё вокруг горькой, липкой пеной. Они начали смеяться и смеялись до слёз: сначала вытирали друг другу лица, а потом, вместо того чтобы пойти умыться, начали страстно целоваться и, не размыкая объятий, повалились на матрас.

Света пригубила шампанского, почувствовав на языке мелкие, дразнящие пузырьки, и ей захотелось выпить залпом всю бутылку. Лишь бы отключить воспоминания и вынырнуть из этого абсурда: она сидит в своей красивой уютной квартире, в их с Максом квартире, пьёт дорогой брют вместе с лучшим другом, говорит об увеличении прибыли, но готова отдать всё, чтобы снова оказаться там, в далёком прошлом, когда не было никого, кроме них двоих, и ничего, кроме искрящегося сумасшедшего счастья.

После второго бокала Никита вдруг посмотрел на Свету серьёзно. Взгляд его серых глаз метнулся сначала в потолок, потом на неё, а затем в дубовый паркет на полу. Он заёрзал на диване, потирая руками бёдра, а потом сказал:

– У меня есть новость. Я решил жениться.

Света поставила на столик бокал с недопитым шампанским и улыбнулась. Неужели этот неутомимый повеса наконец по-настоящему влюбился? Ей хотелось, чтобы он был счастлив. Однако припомнить имя последней пассии друга она не смогла.

– Неожиданно. И на ком же?

– Узнаешь на моём дне рождения. Через две недели. Хочу устроить романтическую вечеринку в узком кругу друзей. Уже заказал столики. Ты же придёшь?

Света радостно кивнула, не обращая внимания на то, как противно засосало под ложечкой. С тех пор как погиб Макс, Никита несколько раз просил её выйти за него замуж: намекал, соблазнял, предлагал... Она всегда отнекивалась, никогда не отказывая прямо: то Алинка слишком маленькая, то работы неуворот. На самом же деле Света просто не могла себе представить никого на месте Макса. Даже сейчас, годы спустя.

* * *

А вокруг шла своим чередом обычная жизнь. Люди встречались, влюблялись, женились, рожали детей, разводились, только она до сих пор плыла в густом белом тумане, не чувствуя тепла и света, не находя ориентиров, не понимая, как вернуть ощущение реальности.

К ночи приятное головокружение от шампанского прошло, и тупая боль начала медленно сдавливать виски. Света поцеловала заснувшую дочь и тихонько прошла в спальню. Из окна на неё смотрел неспящий город. Тёмная широкая лента Оби отражала огни небоскрёбов, выросших по обоим берегам реки, и фары автомобилей, несущихся по мосту. Она казалась совсем не страшной, эта холодная спокойная вода, но Свету до дрожи пугала её кажущаяся безобидность: за ней скрывалась смертельная опасность, пучина, способная проглотить человека за секунду, течение, которое не оставляет ни малейшего шанса жертве.

Света всхлипнула. Слишком многое она отдала рекам. Хватит ждать того, что никогда не случится. Макс не вернётся сюда, не откроет дверь своим ключом, не шагнёт на порог бесшумно, как кот, и не обнимет её сзади, уткнувшись носом в затылок.

Нужно продать к чертям эту квартиру, чтобы больше никогда не видеть воду из окна. Может, пора осуществить их с Максом мечту? Купить домик посреди соснового леса, переехать, каждый день слушать пение птиц, дышать хвойным ароматом, выращивать цветы на клумбах. Они начали откладывать деньги, подыскивать место для строительства. Однажды целый день мотались по посёлкам вокруг города в надежде найти кусочек земли, в который

влюбятся и на котором захотят построить свой новый дом. Устали до невозможности, не столько от дороги, сколько от болтовни специалиста по недвижимости: энергичной женщины лет пятидесяти, в запасе у которой находилось неисчерпаемое количество историй. Например, про то, как хорошо жить за городом с детьми. Как, у них всё ещё нет детей? Так не проблема, одна её знакомая родила только в тридцать восемь – и сразу двойняшек! Они так и не выбрали из пяти предложенных вариантов ни одного, но потом ещё долго вспоминали говорливого риелтора и изнурительную поездку по загородному бездорожью.

Света снова взглянула на огни большого города за окном, где ничего не менялось. Вырастали новые многоэтажки и торговые центры, прибавлялось машин, деревья то теряли листья, то снова распускали кроны, но город оставался прежним: равнодушным, слепым, жестоким.

– Вернись ко мне.

Света примчалась с работы так быстро, как только позволил городской трафик. Ей позволила воспитательница из детского сада и сообщила, что у Алины поднялась температура. Забрав вялую дочь домой, Света вызвала наутро врача из частной клиники, дала девочке жаропонижающее, уложила в кровать и уселась рядом читать книжку. Но сегодня Алина вела себя странно. История про обаятельного медвежонка и его друзей её явно не интересовала.

Сначала она притихшим комочком лежала под одеялом, пылая розовыми щеками и молча глядя в потолок. Не задавала вопросов о том, кто из сказочных героев куда и зачем пошёл и почему медвежонок любит мёд, а не конфеты. Отрывая взгляд от страницы, Света с тревогой замечала, что дочь её не слушает. А потом Алина спросила:

– Мама, куда я попаду, когда умру?

Света замерла от неожиданности.

– Ты не умрёшь.

– Все умирают.

– С тобой это случится очень и очень не скоро. В глубокой старости. Через сто лет, не раньше.

– Но папа умер. Не в сто лет.

Света захлопнула книжку, и слишком громкий звук заставил её саму вздрогнуть.

– Иногда люди совершают глупости. Например, прыгают в воду, если не умеют плавать, или лезут на гору в плохую погоду. Но так бывает редко. А ты самая умная девочка на свете, поэтому будешь жить долго и счастливо.

– А я не боюсь. Хочу увидеть папу. Если умру, увижу.

– Да что ты такое говоришь! А как же я? Как же я без тебя останусь? – Света почувствовала в собственном голосе подступающие слёзы.

Алина повернула голову и серьёзно посмотрела на мать:

– Будь по-твоему. Я подожду.

Когда Алина заснула, Света облегчённо вздохнула. Разговоры о смерти вышибли из неё последние силы, притом что любая болезнь дочери и так беспощадно била по нервам. Она успокаивала себя: ничего страшного, просто небольшой жар, наверняка подхватила в садике какой-то вирус, неопасный, всё пройдёт через неделю, не больше. Но страх не отпускал. Алина её единственный ребёнок, её семья. Хотя ещё несколько лет назад Света и представить не могла, что станет мамой.

Глава 2

Никита

Она росла в девяностые годы. Отец умер от сердечного приступа, мама, оставшись одна с двумя детьми, начала работать ещё больше, но денег всё равно не хватало. Зарплата медсестры едва позволяла сводить концы с концами. Экономить приходилось на всём: не только на развлечениях или одежде, но даже на еде.

Свете было тринадцать, а Вадику, брату, семь. Первого сентября он должен был пойти в первый класс, в ту же школу, где училась старшая сестра, а в августе у мамы выдался отпуск – она согласилась взять только одну неделю, чтобы поехать с детьми на дачу к подруге.

Первые дни были увлекательными: Света с Вадиком облазили старенький двухэтажный дом, обследовали окрестности, подглядывали за соседями, а потом им стало скучно. Мама с тетей Ниной с утра до вечера пропадали в огороде, чтобы вырастить хороший урожай, который потом можно закатать в банки, упрятать в тёмный холодный погреб, засушить, заморозить – и есть всю зиму. Дети же, предоставленные самим себе, решили нарушить главный запрет: не ходить на речку без взрослых.

Света считала себя вполне взрослой. Она уже носила ярко-бирюзовое бикини, которое купила ей мама в начале лета на рынке возле дома, и была тайно влюблена в одноклассника Пашу – серьёзного умного мальчика, который лучше всех в классе решал задачи по математике. Жарким утром солнце светило так, что всё вокруг – дачные домишки, берёзовая роща на перекрёстке гравийных дорожек и сосновый лес, стеной встающий на горизонте, – казалось ярким, сочным, весёлым. Воздух был пронизан тоненькими паутинками, и даже крапива вдоль дорожки к берегу выглядела безобидной, доброй, радостно приветствующей двух путешественников.

Выскочив из тёмно-коричневой ледяной воды – течение в протоке было стремительным, холодным, – Света прилегла на расстеленное полотенце обсыхать и строго-настрого велела Вадику не заходить в воду. Она лишь на минутку закрыла глаза, наслаждаясь тем, как капельки на её коже испаряются, а бодрость сменяется дремотой.

– Вадик? – позвала она, заметив тишину вокруг. – Вадик!

Узкая лента реки, заросшая ивовыми кустами, хранила молчание.

Света подбежала к воде. Долго кричала, бросилась плыть, ныряла, бешено озиралась по сторонам в надежде разглядеть вертлявую макушку или загорелую руку. Кое-как выползла на берег, метнулась обратно, облазила всё вокруг. Брат исчез. Через полчаса её, обессиленную от ужаса, молчаливую, дрожащую, нашла на том же месте мама. Тело Вадика обнаружили к вечеру в ста метрах ниже по течению, в густых ивовых зарослях.

Раньше мама всегда находила для детей и ласковое слово, и весёлую шутку, и припрятанную конфету. Неунывающая, смешливая, гостеприимная, она вмиг превратилась в замкнутую, безвольную, равнодушную женщину, которая перестала замечать дочь.

Раздавленная чувством вины, Света боялась издать лишний звук, сделать неосторожное движение, заикнуться о том, что ей тоже плохо. Школьные подруги, узнав о случившемся, как-то незаметно перестали с ней общаться, одноклассники шептались за спиной и бросали любопытно-обвиняющие взгляды. Она не раз слышала обрывки разговоров, которые замолкали с её появлением в классе: «Да ей всё равно, посмотрите на её лицо!», «А может, она сама его утопила?».

Мир вокруг стал стеклянным: хрупким, полным неясных отражений и ловушек, ненастоящим. Вечерами Света закрывалась в своей комнате, писала стихи, полные острых, жалищих слов, рисовала худых морщинистых старух, могильные кресты и чёрные бездонные омуты,

оплетённые ивовыми ветвями. Она стала учиться лучше всех в школе: ей больше не на что было тратить своё время. Когда пришла пора поступать в вуз, Света выбрала не литературу или психологию, к которым лежала душа, а экономику: кристально чистая логика цифр и математических формул показалась спасением от переживаний и... бедности.

Попав на бюджетное место в университет, Света пообещала себе, что больше никогда не будет ни в чём нуждаться и рано или поздно исполнит мамину мечту: подарит ей возможность жить у моря. В этом она видела своё искупление. А ещё дала себе зарок: никогда не иметь детей. Ей нельзя брать ответственность за незащитного маленького человечка, она не справится, как уже не справилась однажды.

Вероятно, судьба припрятала беды в безмерный комод, в котором для каждого смертного отведён свой ящик, и расщедрилась на подарки. Света встретила Макса и постепенно обрела твёрдую почву под ногами. Они поженились и были счастливы. Муж, конечно, хотел детей, но не торопил её и всячески помогал бороться со страхами. Когда он обнимал её и шептал в волосы, что всё будет хорошо, пока они вместе, ей начинало казаться, что беды никогда больше не поступят в дом, и жизнь будет течь плавно, радостно, легко.

Мама переехала в маленький посёлок Краснодарского края и поселилась на берегу Чёрного моря в уютном домике, утопающем в цветах, зелени яблонь и абрикосовых деревьев. После переезда их отношения чуть потеплели: они иногда созванивались, обменивались дежурными новостями, болтали о погоде. Мама каждый раз приглашала в гости, Света обещала, но так и не собралась.

Неожиданная беременность подкосила её. Первой мыслью было сделать аборт, но новость о несчастном случае на Чилике перечеркнула все намерения и планы. Она не смогла избавиться от ребёнка Макса, единственного, что осталось от него на этой земле. Когда от горя темнело в глазах, Света прижимала ладонь к животу, ощущала биение собственной крови и представляла крошечную девочку с большими глазами цвета чёрной смородины. После рождения Алины думать и страдать стало некогда, и боль незаметно отступила в глубь души, спряталась, затаилась.

Три года пролетели, как один день. Казалось, только вчера она вышла из роддома, щурясь от яркого солнца и держа на руках бело-розовый конверт. Вот мама в слезах, вот Никита с букетом роз размером с него самого. Она же заглядывала за их спины, шарилась глазами по сторонам, даже оборачивалась, ожидая услышать голос с хрипотцой и какое-нибудь ироничное замечание. Но Макса не было, нигде не было.

Мир перевернулся на сто восемьдесят градусов. Словно в горячке Света не замечала, как день превращается в ночь, наступает утро, и всё повторяется снова. Она не спускала Алину с рук, желая каждую минуту чувствовать тепло крошечного тельца, слышать её дыхание, упиваться запахом пушистой макушки. Даже когда младенец превращался в безжалостного дракона, терзающего её плоть и психику, истошно орущего, требующего непонятно чего, Света лишь крепче прижимала дочь к груди, машинально раскачиваясь и повторяя севшим голосом убаюкивающие звуки. Она заслужила этот ад, каждую его секунду.

Утром дочь проснулась здоровым и голодным ребёнком, потребовала молока с печеньем и ни словом не обмолвилась о вчерашнем разговоре. И Света, наплевав на тяжёлую от недосыпа голову и помятое лицо – полночи она провела сидя у постели дочери, – обрадовалась новому дню так, как не радовалась уже давно.

Летний вечер окутывал тело плотной, чуть влажной вуалью, ласкал кожу бархатистой прохладой. Дневная жара и режущий глаза солнечный свет сменились прозрачными, разноцветными сумерками. Света подошла к парадному входу в пятизвёздочный отель и на пару секунд замерла, тут же почувствовав напряжение в лодыжках – туфли на высоких каблуках долго пылились в шкафу, возможно, надевать их было плохой идеей. Привычка демонстри-

ровать стройность ног на шпильках и изящество обнажённых ключиц, выглядывающих из декольте, осталась где-то в позабытом прошлом. Но сегодня Никита пригласил её в дорогой ресторан на крыше отеля в центре города, а значит, придётся один вечер обойтись без любимых кроссовок, удобных брюк и просторной футболки. Она распрямила плечи и шагнула внутрь здания.

В лифте Света столкнулась лицом к лицу с собственным отражением в огромном, от пола до потолка, зеркале. Она машинально поправила тонкую бретельку шёлкового платья, норовившую сползти с острого белого плеча, провела рукой по волне светло-русых волос и отвернулась. Ухоженная оболочка не могла скрыть пустоту в глазах.

Через несколько минут придётся изображать лучезарную улыбку, здороваться с незнакомыми людьми – друзья у Никиты каждый раз были новыми, любезничать с его будущей женой, смеяться над несмешными шутками, обсуждать неинтересные темы. Света распрямила плечи и сделала глубокий вдох. «Хватит ныть, просто поздравь друга с днём рождения и хоть чему-то порадуйся!»

Оказавшись на крыше, Света ахнула от раскинувшейся вокруг панорамы: дома, проспекты, автомобили, фонари, вывески магазинов слились в единую картину – завораживающую, живую, переливающуюся. Никита уже стоял рядом и так же восхищённо смотрел на гостью.

– С днём рождения! Избавь меня уже от этой тяжести! – Света вручила имениннику подарочный пакет и чмокнула в щёку.

Никита вынул оранжевую тиснёную коробку и воскликнул:

– Серьёзно? Тот самый «Гленфиддик»?

– Тот самый односолодовый виски двадцатиоднолетней выдержки, который ты так вожделем.

– Спасибо! Я позову тебя на дегустацию!

– О нет. Ты же знаешь, я такое не пью. Наслаждайся. А где все?

Только сейчас Света заметила, что столик, к которому подвёл её Никита, накрыт на двоих.

– Сегодня мой праздник, так? Я решил, что хочу видеть только тебя.

Этого не может быть! Она что-то перепутала или Никита изменил планы? Именинник галантно отодвинул для Светы стул и сел напротив. Ласкающая слух мелодия саксофона, едва ощутимый на такой высоте гул вечернего города, сладковатый аромат лилий и роз, нежно окутывающий всё вокруг полумрак, мерцание свечей превратились в декорации искусной театральной постановки, в которой Света оказалась зрителем, насильно вытянутым на сцену.

Никита в тёмно-синем отлично сидящем костюме и белоснежной рубашке улыбался так, словно для него во всём мире существовала одна она. Ей же захотелось встать, подойти к невысокому ограждению у края крыши и броситься вниз, чтобы перестать притворяться нормальной и навсегда покончить с жизнью, в которой не осталось ничего настоящего. Но дома её ждала Алинка. Наверное, сейчас они с няней смотрят мультфильмы, после дочь получит традиционную порцию печенья с молоком, почистит зубы и ляжет спать в любимой пижаме с розовыми пони.

Официант разлил по бокалам охлаждённое белое вино, скоро на столе появились закуски. Никита оживлённо делился деталями рабочего дня, строил планы на будущее. Света слушала вполуха, настраивалась на предстоящий разговор и теребила в руках гладкую жёсткую салфетку. Она уже знала, к чему всё идёт, но пока не представляла, чем всё закончится.

После аперитива Никита заказал виски и, медленно процедив его сквозь зубы, заявил:

– У меня тоже есть для тебя подарок.

Достал из кармана красную бархатную коробочку. Раскрыл. Деликатный блеск золота не мог сравниться с сиянием крупного, искрящегося всеми гранями бриллианта.

– Ты станешь наконец моей женой?

Руки и ноги похолодели. Света не могла оторвать взгляда от кольца, боялась посмотреть в глаза Никите – другу, который столько лет был рядом: на их свадьбе с Максом и в тот день, когда муж пропал, на всех днях рождения, Новых годах, вечеринках в общежитии, а потом в их новой квартире. Своей неиссякаемой энергией он толкал её бизнес вперёд, не давал отчаиваться, когда всё шло наперекосяк. Никита забрал их с Алиной из роддома, дарил девочке подарки, возил их в зоопарк, в кинотеатр, к врачу. Он приносил Свете продукты, когда та, беременная, не понимая, как жить дальше, почти не вставала с дивана. Неужели всё это не стоит одного простого «да»? Логичного, ясного, чёткого ответа, который подарит её дочери отца, а ей – надёжное плечо, на которое можно опереться в минуты тоски.

Черты когда-то любимого лица начали стираться из памяти, но чёрные, пронизывающие насквозь глаза по-прежнему смотрели в душу из темноты. Макс не говорил ей, как поступить, не осуждал, не подталкивал, он просто был. Где-то далеко, где-то рядом.

Четыре года. За это время всё должно было перегореть и превратиться в пепел, но заглядывая внутрь себя, Света чувствовала жар: скрытый и губительный, как спящая в глубине вулкана магма.

Никита протянул руку и легонько поднял её подбородок.

– Посмотри на меня. Я очень долго ждал. Сначала ты была его девушкой, потом женой. Всё это время я любил тебя. Он погиб, и я снова стал ждать: когда ты успокоишься, забудешь, переживёшь. Света, да сколько можно? Алинка подрастает. Ты же знаешь, как хорошо мы ладим. Она вот-вот начнёт называть меня папой. Да и мы с тобой постоянно вместе. Общие дела, общие интересы. Мы уже одна семья. У нас всё будет хорошо, лучше, чем хорошо. Подумай сама. Вся жизнь впереди: вырастим Алину, родим ещё детей, будем вместе работать, отдыхать, ездить на море, летать на самолётах, прыгать с парашютом. Хочешь?

В его глазах перемешались страсть, злость, надежда. Света молча отвела взгляд. Собственное безразличие пугало. Она ждала конца света, и никакого альтернативного будущего для неё не существовало.

Никита положил раскрытую коробочку перед Светой, сцепил пальцы в замок и, чуть наклонившись вперёд, продолжил:

– Ты думаешь, что предаёшь его память? Да ведь он не любил тебя. – Его лицо и шея покрылись красными пятнами.

Света вышла из ступора.

– Что?

– А ты вспомни. Поначалу, может быть, он был увлечён тобой, но потом бытовуха превратилась в тюрьму. «Макс, ты поел? Макс, когда ты ляжешь спать? Макс, надень шапку!» Да ты носилась с ним как с ребёнком, а его это бесило. Сколько раз он говорил мне, что устал, что совершенно иначе представлял семейную жизнь...

– О чём ты вообще? Что за чушь?

– Так и было, Светочка. В точности так. И зачем, по-твоему, он вообще пошёл на этот сплав? Ну какой из него экстремал? Какие, к лешему, катамараны? Он и в тренажёрку-то не ходил ни разу, сколько я его ни звал. Никогда не мог понять, что его туда так тянет, в эту бывшую республику, а может, всё проще? У него там просто была другая баба? Он ни разу не проболтался, даже по пьяни, но нетрудно сложить два да три. Забудь его!

Никита схватил её руки и начал целовать, не обращая внимания ни на что вокруг.

– Счастье моё... Света... Я сделаю всё, что захочешь...

Света отёрнула руки. Прикосновения чужих губ жгли, как затушенные о кожу окурки.

– Почему ты говоришь об этом только сейчас?

– Да почему я вообще ничего не сделал раньше?! Почему не увёз тебя подальше отсюда, чтобы ты забыла всё это, как страшный сон? Почему не проявил настойчивость? Потому что

сначала ты сошла с ума от горя. Беременные женщины и так не в себе, а тут совсем труба. Потом ты родила, а кормящую мать нельзя волновать. Потом Алина была слишком маленькой. И вот когда ты только-только начала становиться похожей на прежнюю Свету, я решил, что пора.

– Ты это со зла. Не надо, Никит... Не черни память друга.

– Да к чёрту память, Света! Надо думать о будущем! Он умер, ты это понимаешь или нет? Где твоя хваленая разумность? Тебе мужик нужен!

Её словно стегнули плетью.

– А ты думаешь, у меня никого не было за это время? Да я всё испробовала, чтобы его забыть, только не могу! И с тобой не могу! – Колючая злость прорвалась наружу, разрывая в кровь едва затянувшуюся рану. – У тебя же нет проблем с женщинами, ты весёлый, красивый, молодой, успешный – полюби нормальную, у которой сердце есть. Потому что у меня – уже нет. А новое-то не вырастет.

– Света! Стой! Куда ты?

Стул резко скрипнул ножками по деревянному настилу. Едва успев схватить сумочку, она поспешила на выход. Ей было наплевать на любопытные взгляды, брошенное на столе кольцо, испорченные отношения с Никитой, лишь бы поскорее оказаться в тишине квартиры, поцеловать спящую дочь и снова начать ждать, когда утихнет боль.

Никита не знал, были ли его воспоминания о матери настоящими. Иногда казалось, что дорогие сердцу моменты родились в воображении когда-то давно, на стыке детства и юности, запечатлелись в памяти, вросли корнями в душу и заменили собой реальность. Образ матери вставал перед глазами или в самые отвратительные моменты жизни, или в самые хорошие. Никита видел её светлые волосы, щекотно прикасающиеся к его лицу, добрые, лучистые глаза. Белый торт с толстым слоем крема и пятью свечками. Коньки в подарок, жёсткие, совсем как деревянные. Морозный воздух и снегирь с красной грудкой. Восторг, удар о лёд. Много-много нежности, такой мягкой и обволакивающей, что боль тут же растворялась.

Её не стало слишком рано, и он не мог понять, почему жизнь изменилась так резко и стала такой мрачной. Больше нельзя было есть сладости, подолгу смотреть мультики по телевизору, валяться в кровати и рассматривать удивительные вещи вокруг: бабочек, снежинки, птичек. Его больше никто не жалел, не дул на разбитые коленки, не целовал перед сном. Мир вокруг сделался серым, строгим, злым.

По утрам его будил отец. Заходил в комнату не говоря ни слова, стягивал одеяло. Было темно и холодно, но приходилось вставать, умываться, одеваться и идти в школу. Дома завтрак не полагался, поэтому он терпел до обеда в школьной столовой, и, когда одноклассники воротили нос от серого картофельного пюре и холодных котлет, он съедал всё до последней крошки.

Дом превратился в казарму. Отец готовил еду два раза в неделю, по понедельникам и пятницам. Обычно это была кастрюля супа, похожего то ли на борщ, то ли на щи, и сковородка макарон по-флотски. На столе в пластиковой хлебнице всегда лежали чёрствая белая буханка и самое дешёвое печенье, за которое им с братом приходилось драться.

Никакой свободы: кровати должны быть идеально заправленными, полы чисто вымытыми, одежда выглаженной. Олег на правах старшего частенько пренебрегал обязанностями, и Никите приходилось работать за двоих: иначе порка.

Отец целыми днями пропадал на работе, а они с Олегом были предоставлены самим себе. В старших классах брат начал всё реже появляться дома, а отец запил, сначала по выходным, потом по вечерам в будние дни. В эти моменты нельзя было показываться ему на глаза, и Никита закрывался в комнате, слушая, как магнитофон на кухне изрыгает голос Высоцкого, а отец, напиваясь всё сильнее, начинает хрипло орать: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее»!

Отца он перестал любить резко, на следующий день после похорон матери. Проснулся утром, окинул взглядом серую, ставшую вмиг неродной спальню, почувствовал, как сосёт под ложечкой от голода, и завернулся с головой в одеяло. Лучше умереть, чем встать и пойти в холодную пустую кухню, лучше превратиться в мумию, чем снова встретиться взглядом с человеком, которого ещё вчера он называл «папа».

На брата же Никита долго смотрел, как на взрослого свободного человека, но постепенно восхищение сменилось враждебностью. Всё, чего он хотел к шестнадцати годам, – это уехать подальше от дома и заработать много денег.

Когда к ним в школу пришёл новый учитель информатики, молодой выпускник педвуза, Никита увидел свет в конце тоннеля. Андрей Анатольевич не только разбирался в современных гаджетах, но и увлекательно рассказывал о Билле Гейтсе, «Майкрософте», компьютерных играх, Силиконовой долине и богатых айтишниках. Никита вцепился в учителя клещом.

За два года он подтянул алгебру и геометрию, английский язык, освоил азы программирования. Учился каждую свободную минуту. Пока Олег пробовал наркотики в подворотне, а отец пропадал у собутыльников, Никита наслаждался одиночеством, поглощая книги. Процесс не доставлял ему никакого удовольствия, но в те моменты, когда хотелось разорвать учебник на мелкие кусочки и выкинуть в окно, он открывал блокнот, обклеенный вырезками из глянцевого журнала. Там гнездились загорелые красотки, свежие модели телефонов, дорогие машины и виды Калифорнии.

Он мечтал о том, что когда-нибудь возглавит собственную компанию, в которой день и ночь будут трудиться лучшие умы планеты. На меньшее он был не согласен.

По совету Андрея Анатольевича Никита подал документы в далекий сибирский университет. «Если хочешь стать хорошим программистом, то тебе туда. Именно в этом месте начинаются все звёздные карьеры», – отрекомендовал учитель. Но где взять деньги на поездку? Неожиданно Никите повезло.

Бабушка, зная о мечте внука, подарила ему деньги, строго-настрого наказав использовать их только на образование и ни рубля не давать отцу. Никита не верил своему счастью. Понимая, что такой шанс выпадет раз в жизни, он почти перестал спать, погрузившись в учёбу, и хранил в тайне от семьи все свои планы. Когда пришло время прощаться, отец разъярился. Хлёстко залепил сыну унижительную пощечину.

– Ты как баба, – сплюнул на пол Никита, не обращая внимания на резкую боль и потемнение в глазах. – Даже драться по-мужски не умеешь.

Это были последние слова, которые он сказал отцу. Тот взвыл и бросился в сторону сына. Но гибкий подросток крутанулся в сторону и выскочил из комнаты. Вещи и документы были давно собраны. Никита закрыл дверь на защёлку, распахнул окно – к счастью, они жили на первом этаже и пути отступа были давно продуманы, – перебросил рюкзак, а следом сиганул наружу сам.

Едва став студентом того самого факультета, на котором он мечтал учиться, Никита расслабился. Всё, что ему было нужно, – это не вылететь после очередной сессии, завести полезные знакомства и предаваться веселью. На последнем курсе он уже работал в большой компании и зарабатывал столько, сколько не снилось его одноклассникам, купил сотовый телефон, поддержанную иномарку, снимал квартиру и имел кучу подруг. Вскоре судьба снова улыбнулась ему. В компании начались трудные времена, и Никита, вовремя осознав возможности, увёл оттуда лучших программистов, снял помещение и начал развивать собственный бизнес.

Через три года отец умер от инфаркта. На похороны Никита не приехал. А ещё через пару лет из тюрьмы написал Олег – то ли от скуки, то ли ради корысти. Он рассказал о своей жизни и семье, оказывается, за годы разлуки старший брат успел влюбиться, жениться, родить троих детей, попасться за торговлю наркотиками и угодить в колонию. Братья поддерживали связь, а когда Олег вышел на свободу, Никита помог перевезти в Новосибирск его жену и детей,

устроиться на новом месте и начать жизнь сначала. Он испытал неожиданный кайф оттого, что делает это, оттого, что может себе это позволить.

Казалось, он достиг всего, чего хотел. Кроме одного. Света Анциферова, жена лучшего друга, не давала ему спать спокойно и чувствовать себя настоящим победителем. Странная, непохожая на других женщина: эфемерная, как тонкий луч солнца, пробивающийся сквозь тучи в непогожий день. Когда они были вдвоём, у Никиты возникало чувство, что он наконец обрёл дом и семью: настолько тёплая, обволакивающая, сияющая энергия исходила от неё. Хотелось прижать её к себе так крепко, чтобы она никогда не смогла оторваться, отдать ей всё: своё тело, свою жизнь, свои деньги. Вот только Свете они были не нужны. Она постоянно ускользала от него. Луч гас, стоило протянуть руки, чтобы схватить его.

Он искал выход. Постоянно находился рядом, чтобы знать, чем она дышит, ловить мельчайшие перепады настроения, поддерживать, вдохновлять, успокаивать. Макса он не боялся. Тот совершенно не разбирался в людях, не различал нюансов их поведения, не интересовался ничем, кроме своей работы. Увести у него жену – чувствительную, ранимую, эмоциональную – должно быть так же легко, как обмануть ребёнка. Если бы не её слепая любовь и преданность. Но Никита не торопился, он знал, что момент триумфа настанет, нужно только запастись терпением и держать ухо востро.

И вот теперь, когда этот момент должен был прогреметь ослепительным фейерверком, всё рухнуло. Никита вливал в себя виски, не чувствуя ни градуса, ни вкуса. Вокруг звучала музыка, люди смеялись, любовались открывающимся с крыши видом ночного мегаполиса, наслаждались едой, а он прирос к стулу. Такой тяжестью наполнилось всё тело, что, казалось, он никогда не сможет встать на ноги. Ещё один стакан. Голова клонится к столу. Упасть, уснуть, забыть. Но завтра не станет легче.

«Я заставляю тебя страдать так сильно, что твоё сердце лопнет от тоски, ужаса и боли. А потом подберу, как выпотрошенную рыбу. Ты всё равно будешь моей. Или сдохнешь».

Глава 3

Письмо

Свете снова снилась вода, но на этот раз не тёмная, холодная и пугающая, а прозрачная, искрящаяся алмазными брызгами, ласковая. Пальцы заledenели от холода, погрузившись в быстрый поток, но солнце жарило так сильно, что ничего желаннее прохлады не существовало в этот миг. Она наклонилась, зачерпнула ладонями воду, полюбовалась игрой солнечных лучей на поверхности и умыла лицо. Волшебное ощущение свежести, очищения, радости пронзило душу. Смахнув капли с ресниц, Света открыла глаза и увидела Макса. Он стоял на противоположном берегу ручья. Улыбался. Ждал её. Ещё миг – и они будут вместе.

Будильник разбудил её резко и безжалостно вернул в реальность. Мозг сразу же бросился в бой. Никита. Кольцо. Предложение. Что со всем этим делать? Света сжала челюсти и медленно выползла из постели. Горячий душ, крепкий кофе, невесомые объятия дочери наверняка помогут ей собраться и почувствовать себя лучше. Но два голоса в голове продолжали пугать и спорить:

– Слабачка! Ляг и умри!

– Я не сдамся. Ради дочери. Ради себя, чёрт возьми!

– Ха, пора уже стать реалисткой. Наделала вчера глупостей, исправляйся. Вернись к Никите, упади в ноги, авось простит.

– Ни за что.

С колотящимся сердцем Света залезла под душ, и только когда струи начали обжигать кожу, она выключила воду, энергично растёрлась полотенцем и, протерев зеркало от пара, установилась на своё отражение.

– Мне нужно собраться с силами. Я смогу.

Никита часто подтрунивал над Максом, называл его тюфяком, грозил увести жену. Света хмурилась, Макс же хитро улыбался, разводил руками и предлагал попробовать. Они вели себя как дети, и долгое время эти шутки казались безобидными.

Из студенческого друга Никита незаметно превратился в друга семьи. Он вносил в их быт толику безалаберности и авантюризма, умел за полчаса собрать весёлую компанию и вывезти всех на берег водохранилища с ночёвкой в палатках или организовать спонтанную вечеринку с танцами до утра.

Когда Макс исчез, Никита, будто изменив себе, добросовестно и прилежно начал исполнять обязанности сиделки, психотерапевта, водителя. Он стал Светиной тенью. Звонил ей по два раза в день, приезжал в гости, кормил чуть ли не с ложечки, заставлял работать. Она была благодарна за помощь, но где-то в глубине души прятала нарастающее раздражение, всё отчетливее осознавая истинные чувства и намерения Никиты.

«Мне жаль, правда, жаль, но ты не Макс и никогда им не станешь. Возможно, когда-нибудь я сумею всё это пережить, стану другим человеком, начну с нуля, но не теперь. И не с тобой», – думала Света.

«Да ведь он даже не любил тебя»... Она вспоминала ссоры с мужем: свои крики, его молчание, своё бешенство, его равнодушие. Неужели у Макса была другая женщина? Здесь, в Новосибирске, или там, в Казахстане? Невозможно. Память тут же подкидывала другие образы: глубокие, глядящие из души в душу глаза, улыбки, смешки, фразочки, понятные только им, тающие на коже прикосновения, внутренний жар, родной запах, которым пропитана каждая клеточка его и её тела, его вдох, её выдох.

Суeta рабочего дня отвлекла от навязчивых мыслей. Как обычно, с утра она отвезла Алину в детский сад, потом села за ноутбук у окна в спальне. В квартире был оборудован

кабинет-библиотека, но она им не пользовалась. Там стояли стол, кресло и компьютер Макса, лежали его бумаги, книги, по углам громоздились какие-то запчасти – всё это Света не трогала с того самого дня, когда муж вышел из дома и больше не вернулся. Она заходила в эту комнату редко, только чтобы быстро вытереть пыль и выскочить наружу, туда, где не бродят призраки, готовые растерзать её сердце на части.

Каждое утро Света проверяла почту, отвечала на письма, выставляла счета, изучала статистику сайта и ежедневные отчёты по продажам, пару часов писала и выкладывала посты в соцсети, планировала следующий день. После этого перекусывала и отправлялась на склад до самого вечера. Место, где в огромных морозильных камерах хранились десятки сортов рыбы и морепродуктов, было сердцем её бизнеса. Именно отсюда курьеры на загруженных машинах-рефрижераторах разъезжались по городским и междугородним маршрутам, здесь трудился бессменный завхоз и кладовщик Сан Саныч, который обладал, как шутила Света, рентгеновским зрением: он мог определить свежесть и качество продукции даже через толстый слой полиэтилена и ледяной глазури. Её помощница и вторая правая рука после завхоза, Вика, – бойкая выпускница экономфака – была совсем не похожа на Свету, но пользовалась полным её доверием. Высокая, фигуристая деваха, не выпуская сигаретки из пухлых красных губ, могла вмиг поставить на место любого проспавшего отгрузку экспедитора. Громкость её голоса и отборный лексикон вкупе с соблазнительной внешностью приводили мужчин в благоговейный трепет.

Сегодня на склад Света отправилась с тяжёлым сердцем – только бы не появился Никита, который частенько заглядывал туда, чтобы поболтать с ней и, как он выражался, «проконтролировать свои инвестиции». Встреча с ним, совершенно будничное и обычно приятное событие, грозило обернуться если не ссорой, то невыносимым и ненужным напряжением. «Мы всё решим, как взрослые люди», – успокаивала она себя.

Окрашенные светло-серым цветом стены всегда, даже в самую сильную жару хранили прохладу. Небольшая комната была отведена под офис: здесь стояли три рабочих стола с компьютерами и оргтехникой, основную же площадь занимали помещения с морозильными камерами, в которых хранились рыба, кальмары, осьминоги, креветки, мидии и другие дары океана.

Заглянув внутрь, Света поздоровалась с Сан Санычем и дежурно поинтересовалась его делами. Она решила, что инвентаризация – лучший способ занять руки, голову, да и просто побыть одной, и отправилась на склад.

Часам к четырём появился Никита. Ни чисто вымытые волосы, ни свежая футболка, ни щедрый запах парфюма не могли скрыть следов бурной ночи. Покрасневшие глаза, мутный взгляд и витавшие вокруг алкогольные пары красноречиво говорили о том, что вчера он пил долго и упорно. Света не могла винить его за это. Она отвела Никиту в сторону и сразу перешла к делу:

– Пожалуйста, останемся друзьями и деловыми партнёрами, ведь это в наших общих интересах.

Никита не смог нацепить на лицо защитную маску. В его глазах плескалось отчаяние. Он протянул руки, жадно сжал Свету в объятиях и прошептал:

– Да, конечно, так и будет. Прости меня. Я верну это долбаное кольцо в магазин и буду делать вид, что ничего не произошло. Так долго, как смогу.

Его руки заскользили по её спине, потом обхватили шею, он немного отстранился и, дыша перегаром в её лицо, продолжил говорить:

– Только один раз, только сейчас не отталкивай меня.

Его трясло. Сухие горячие губы впились в её рот, словно он был умирающим от жажды, который наконец нашёл источник влаги. Застыв на секунду, Света напряглась, но тут же крепко взяла его за руки и решительно оторвала от себя.

– Никаких надежд, Никита, никаких. Иди домой, отдохни.

Он опустил пылающее лицо, засунул руки в карманы джинсов и молча кивнул. Хотел сказать что-то ещё, но стиснул челюсти, опустил голову и зашагал на выход.

К вечеру руки и ноги налились тяжестью, она с трудом передвигалась по квартире. На ужин приготовила макароны с сыром – ей было всё равно, что есть, а Алина обожала это неза-тейливое блюдо. После, играя с дочерью в настольную игру, Света не могла отделаться от ощущения, что окончательно запуталась. Жизнь, давно превратившаяся в ровную унылую дорогу, ведущую напрямик к старости, вдруг решила сделать крутой поворот, и стало ещё хуже. У Светы не было сил выбирать или принимать решения. Хотелось лечь на землю, свернуться калачиком, закрыть глаза и пролежать так целую вечность.

Что делать с Никитой? Станет ли её друг когда-нибудь снова весёлым, беспечным, самоуверенным, или теперь рядом всегда будет угрюмый, сломленный, жестокий мужчина? Но было что-то ещё, что сдавливало грудь, не давая свободно дышать.

Правда ли то, что он сказал про Макса? Она бы почувствовала, этого не может быть. Никита, желая убедить Свету выйти за него замуж, просто соврал. Ведь Макс не воскреснет, не сможет опровергнуть его слова.

– Малыш, пора спать. – Света погладила Алину по мягким кудряшкам и потянулась, чтобы поцеловать.

– Я выиграла! А ты нет.

– Ты – мой суперчемпион, а я устала и не смогу тебя победить. Так тому и быть. Пойдём чистить зубки.

Когда в квартире стихло, Света зашла в кабинет мужа. Она медленно приоткрыла дверь, поймав себя на мысли, что сейчас увидит большой светящийся монитор, усыпанный сотнями непонятных символов, а на его фоне – силуэт Макса. Но в комнате было темно, только свет уличных фонарей, непонятно как добирающийся до окон на двенадцатом этаже, подсвечивал стены и очертания мебели. Света включила лампу, осторожно присела в скрипнувшее кожаное кресло и начала медленно выдвигать ящики стола. Наушники, разобранный на запчасти ноутбук, провода, старые журналы – всё лежало на своих местах, аккуратными кучками, стопочками, свёртками. Макс до жути любил порядок.

Она нажала на кнопку питания компьютерного блока. Он пискнул, через секунду включился монитор. Ввела пароль, который до сих пор не стёрся из памяти. «Зачем я это делаю? Что ищу? Любовную переписку?»

На рабочем столе висели десятки ярлыков от папок и программ, большинство названий ничего ей не говорили. Записи в планировщике касались рабочих проектов и содержали сроки, имена, ссылки. Были и семейные дела: поход в кинотеатр, визит к стоматологу, встреча с риелтором. Десятого мая муж заплатил за путёвку на сплав. Пятнадцатого – купил билет на самолёт до Алматы. Света закусил губу и прикрыла глаза. Эти даты можно было стереть из программы, но вычеркнуть из прошлого уже нельзя. Если бы что-то не случилось! Он мог заболеть, опоздать на рейс, всё, что угодно, лишь бы не ехать.

Она ощутила подступившие слёзы. Перевела взгляд на тёмную стену, сделала глубокий вдох. Всё бесполезно, здесь нечего делать. Дверь в прошлое приоткрылась лишь на краткий миг, выплюнула ядовитую желчь и захлопнулась с оглушительным треском. Но иррациональное упрямство не дало Свете встать с места и уйти из кабинета. Мессенджеры, соцсети – пусто, ни одного интересного сообщения.

Электронная почта. Сохраненный пароль. Невероятная куча спама и рабочего мусора, давным-давно потерявшего актуальность. Когда глаза начали уставать, Света наткнулась на неп прочитанное письмо с пустой темой. Щёлкнула мышкой и замерла.

«Твой муж жив».

Она моргнула. И ещё раз. Черные буквы на белом фоне никуда не делись. Промотала вверх-вниз. Ни подписи, ни единого словечка больше. Только электронный адрес, с которого было отправлено письмо, – абракадабра какая-то. Света машинально переписала набор букв на листок бумаги и ещё раз вгляделась в текст.

Что это значит? Кто это написал? И почему письмо прислано на адрес Макса? Дата! Почти полгода назад.

Ей захотелось заорать в бездушный монитор, разнести всё вокруг вдребезги – чтобы этот компьютер рассыпался на крошечные винтики и мелкие кусочки пластика. Почему, ну почему она не залезла в почту раньше?!

Это невозможно. Просто жестокий розыгрыш. Но кто мог сделать такое? Свете хотелось одновременно придушить зарождающуюся надежду и отдаться её сладкому, целительному опьянению.

Минуты побежали быстро, как будто невидимые часы внутри электронного механизма сошли с ума. Вынырнув из омута, она оглядела тёмный кабинет, как будто видела его впервые. Сначала в голове заискрились короткие яркие вспышки, потом они превратились в болезненные залпы, слились в бушующую канонаду и, наконец, разразились оглушительным, сметающим всё на своём пути взрывом. Макс жив!

Они расстались, как враги. Сколько бы Света ни бежала от этой правды, реальность не менялась, и каждый раз, вспоминая их последний вечер, она чувствовала тупую, ноющую боль. Если бы она знала тогда, что уже ничего нельзя будет исправить, она бы упала ему в ноги, сделала что угодно, только бы не отпускать.

Всё начало меняться тихо и незаметно, задолго до отъезда мужа. Не было никакого рубежа, никакой точки невозврата. В конторе, где работали Макс с Никитой, наступили тяжёлые времена. Сначала ушёл самый крупный заказчик, потом – более мелкие. Денег становилось меньше, и тогда Никита, воспользовавшись ситуацией, открыл собственную компанию, переманил в неё лучшие кадры и оставшихся клиентов. Уже через несколько лет он уверенно чувствовал себя на рынке, брал на работу отличных спецов, арендовал просторный офис, заключал крупные контракты. Макс трудился под начальством друга, стал ведущим разработчиком, потом руководителем проектов и всё больше времени проводил вне дома. Денег становилось больше, радости – меньше.

Они стали часто ссориться. Ей хотелось разговаривать по душам, гулять по городу, выезжать на природу, хотя бы по выходным валяться в постели, не спеша заниматься любовью, а ему было некогда, он работал по двенадцать часов в сутки. Стоило Свете завести разговор о том, что она недовольна таким положением дел, как Макс поворачивался к ней спиной, утыкаясь в монитор компьютера, или отвечал невпопад:

- Сходи куда-нибудь с подругой. По магазинам. Или в бар.
- Макс, с какой подругой? Моими подругами всегда были ты и Никита.
- Ну, сходи с Никитой. Ему что, ему можно.

И правда, Никита всегда находил возможность, чтобы развлечь её. Изредка они проводили время втроём: выбирались куда-нибудь в кафе поздним вечером, сидели, выпивали, но и тогда Макс по большей части молчал и наблюдал за происходящим, словно издалека. Никита же, всегда окружённый толпой приятелей, друзей и коллег, втягивал Свету в водоворот беспринципного веселья, спонтанных поездок, пьяных вечеринок. Муж не возражал. «Иди, конечно, я всё равно поздно вернусь. Или заночую в офисе», – говорил он.

Света куражилась ему назло, но всё чаще ловила себя на мысли, что уже ничто не доставляет удовольствия, напротив, чем глубже она ныряла в омут развлечений, тем тоскливее ей становилось.

Вдруг выяснилось, что Макс перестало нравиться постоянное отсутствие жены. Он начал требовать горячих ужинов и чистоты в квартире. Света радостно готовила еду, каждый день мыла и без того чистый пол, по вечерам ждала его за накрытым столом. Макс продержался пару недель, а потом снова ушёл в рабочий запой.

Света наладила работу магазина, и он уже не требовал от неё столько сил, как раньше. Полдня дома, полдня на складе. «Надо получить водительские права категории „С“, тогда я сяду на грузовик и буду развозить морепродукты по магазинам. Стану дальнобойщицей, начну неделями колесить по просторам страны, а не торчать в четырёх стенах. Он даже не заметит моего отсутствия!» – горько усмехаясь, думала Света.

Ей всё ещё казалось, что ничего страшного не происходит, но снежный ком уже катился с горы, неумолимо увеличиваясь в размерах, набирая скорость. А потом – бах! – врезался в преграду, разлетелся на миллион кусочков, похоронив под своей ледяной тяжестью всех, кто был рядом.

Они снова поссорились. Макс просто отказался идти со Светой на запланированную встречу, сославшись на занятость. Она хлопнула дверью и ушла одна. Позвонила Никите. Встретилась с ним в баре, напилась до чёртиков, а когда за полночь вернулась домой, наткнулась на стоящего в прихожей мужа. Он прислонился к дверному проёму, сложил руки на груди и буднично спросил:

– Ты спишь с Никитой?

Сначала Света обомлела, потом испугалась и наконец разозлилась.

– Да пошёл ты! Тебе наплевать на меня. Что я делаю, с кем встречаюсь, как провожу вечера. Тебя ничего не интересует, кроме чёртовой работы. Если бы я знала, что так будет, никогда не вышла бы за тебя замуж!

Макс скривился одной стороной лица, как будто она залепила ему пощёчину.

– Завтра я уезжаю на две недели в Казахстан. Если любишь его, вперёд. Отпущу без проблем. Только имей смелость признаться.

– Вали! Вали в свой Казахстан! И не возвращайся!

«Нет, я не спала с ним! Я люблю только тебя! Остановись, пожалуйста, остановись, пока не поздно! Что мы делаем?» – хотелось закричать ей, но слова застревали в горле.

Он не ударил её, но запачкал подозрениями – несмываемыми, позорными, отравляющими. Она в бешенстве залетела в ванную, заперлась и только под ледяным душем дала волю слезам. Макс не пришёл в постель в эту ночь, улёгся на диване в гостиной, а утром ушёл из дома, чтобы уже не вернуться. Именно этого она хотела, не так ли?

Мысли крутились по одному и тому же кругу.

Что произошло? Возможно, она сходит с ума?

Света словно оказалась в зеркальном лабиринте, пугалась собственного отражения, пыталась угадать в ускользающих тенях образы, найти выход на свободу. Привычные действия совершала механически: дом, детский сад, работа, дом. Ни на чём не могла сосредоточиться.

Вернулись кошмары. Каждую ночь ей снилась река: мутная коричневая вода засасывала её в глубину, свет мерк, ни берега, ни дна – плавное падение в бездну было бесконечным. А ещё она видела Макса, который, то скрываясь в брызгах бурного потока, то появляясь на поверхности, нёсся вниз по камням, превращаясь в тряпичную куклу, и, как бы быстро она ни бежала за ним, как бы громко ни кричала, всё было бесполезно.

У неё начали трястись руки, под глазами пролегли синие тени, словно у больной. Когда на светофоре она чуть не врезалась во впереди стоящий автомобиль, стало понятно: дальше так продолжаться не может.

Она не смогла помчаться за ним вслед тогда, четыре года назад, потому что попала в больницу с резкими болями, почти всю беременность пролежала на сохранении и родила Алину на

три недели раньше срока. Сейчас дочь подросла, и ей выпал последний шанс обрести спокойствие. Если возможно узнать, кто послал это письмо, то она сделает это. Какое счастье, что у неё куча знакомых айтишников! Света передала записанный адрес электронной почты одному из них и получила лаконичный вердикт: письмо было отправлено с компьютера в Алматы, однако больше этот адрес нигде в Сети не светился. Скорее всего, он был создан, чтобы отправить одно-единственное послание, и больше им никогда не пользовались.

«Тот, кто написал это, сказал правду. Он знает, где Макс и что с ним случилось! Я не смогу обыскать целый город, но могу отправиться на Чилик, туда, где всё началось, и попробовать что-то выяснить у местных... Я должна всё исправить или хотя бы попытаться», – решила Света.

– Надо поговорить.

Никита вздрогнул, когда Света резко потянула его за рукав, отвернулся от компьютера, снял наушники и удивлённо уставился на неё. Она приехала к нему офис и ворвалась в кабинет, испугав секретаршу своим безумным видом.

– Что-то случилось? С Алиной?

Света провела рукой по лицу, даже не представляя, как выглядит. Приняв решение, она кое-как провела очередную бессонную ночь, дожидая до утра и, забросив дочь в детский сад к самому открытию, поспешила сюда, зная, что Никита, ранняя пташка, уже на месте.

– С Алиной всё хорошо. Я уезжаю.

– Куда?

– В Казахстан. На Чилик.

– Ты с ума сошла? Зачем?

– Мне кажется, Макс жив.

Произнесённые вслух слова звучали ещё бредовее, чем в её голове. Никита побледнел.

– С чего ты взяла? Это не имеет ни малейшего смысла. Опомнись, Света. Что ты творишь?

– Я получила письмо. Не знаю, кто его написал, но этот человек сообщил, что мой муж жив. Я должна проверить!

– О боже! А если у тебя попросят денег? Заплатишь? Это мошенники, Света, не будь душой!

– Спасибо за заботу. Когда вернусь, не знаю.

– Подумай сама. Если бы всё было правдой, Макс давно вернулся бы домой.

– В этом я и хочу разобраться.

– А Алина?

– Я отвезу её к маме. Пока.

Не видя ничего вокруг, Света пошла на выход, но Никита догнал её в коридоре, больно схватил за предплечье и, шаря бешеными глазами по её лицу и губам, взмолился, даже не пытаясь совладать с собой:

– Ты не найдёшь его, но я прошу: будь на связи. Если тебе или Алине что-то понадобится, дай знать. Я буду ждать тебя. Только вернись.

Когда Света скрылась за дверью, Никита схватил телефон, быстро набрал номер и, дождавшись ответа, заговорил:

– Она едет в Казахстан. Искать Макса. Я не смог её удержать.

На том конце без паузы раздался недрогнувший голос:

– Что случилось?

– Кто-то послал ей сообщение о том, что Макс жив. Кто это мог быть?

– Не знаю, но узнать не помешает.

– Что теперь делать? Вдруг...

– Не будет никакого вдруг. Я что-нибудь придумаю. Мы уедем. Расслабься, она никого не найдёт. Но спасибо, что предупредил.

Никита нажал на отбой, рухнул в офисное кресло и закрыл лицо руками, готовый завывать от ужаса и тоски.

Глава 4

Дочки-матери

Алина никогда не летала на самолётах, поэтому всё вокруг вызывало у неё интерес. Девочка рано начала говорить, а когда пошла в детский сад, кажется, и вовсе перестала замолкать. Слова так и лились наружу. Света вдумчиво и подробно отвечала на каждую реплику – это помогало отвлечься и не думать о предстоящей встрече с матерью.

Последний раз они виделись, когда Алине исполнилось год. Мама не раз предлагала им переехать к ней, но Света отказывалась. Как бы ни было трудно с маленьким ребёнком, она боялась оставлять квартиру пустой и безжизненной. Вдруг Макс вернётся, а здесь никого нет? Этой мыслью она ни с кем не делилась, понимая, насколько малы шансы. Но ведь его тело так и не нашли... Света давно официально числилась вдовой, вот только совершенно этого не чувствовала. Сначала убеждала себя, что Макс жив, потом – не в силах принять неизбежное – просто запретила себе думать о будущем. Она полностью сосредоточилась на дочери: её улыбки, смех, даже капризы стали единственным настоящим счастьем, всё остальное не имело значения.

На банковском счёте было достаточно денег – тех, что они собирались потратить на покупку земли и строительство дома, да и магазин приносил неплохую прибыль, так что финансовых проблем у Светы не было. Она продолжала работать из дома, часто брала Алину с собой на склад. Никита приходил в гости, развлекал их с дочерью, как мог. Иногда она жалела, что у неё нет настоящей подруги, с которой можно было поговорить по душам, пьяно порыдать, поболтать о мужиках, шмотках и косметике. Всё её общение сводилось к разговорам с молодыми мамочками во время прогулки с коляской вокруг дома и на детской площадке. Каждый день они обсуждали одно и то же: марки подгузников, режущиеся зубки, первые шаги, детские болячки, развивающие игрушки.

Однажды Света выбралась на встречу одногруппников. На берегу Обского водохранилища, окутанная дымом костра, окружённая знакомыми весёлыми лицами, она снова превратилась в беззаботную студентку, у которой впереди целая жизнь. Полная азарта и яростной решимости покончить с собственным затворничеством, Света легко ответила на ухаживания только что пережившего развод красавчика Костика и незаметно для себя оказалась с ним в тёмном пустом деревянном домике с узкой кроватью. «Это так легко. И совсем не страшно», – подумала Света, одеваясь после быстрого бурного секса. На берегу разгорались страсти. Подвыпившие девушки решили купаться нагишом, парни с энтузиазмом поддерживали идею. И тогда Света, ни с кем не прощаясь и радуясь, что Костик уже завтра вернётся в Питер, а значит, не позвонит и не напишет, вызвала такси и поехала домой, к дочери. Ничего не изменилось, пустота вернулась и снова затянула душу унылым, бесцветным покрывалом.

Поездка прошла спокойно, несмотря на переживания Светы. Возбуждённая Алина заснула крепким сном уже через полчаса после взлёта, а оставшуюся дорогу до дома бабушки переваривала впечатления, лишь изредка задавая вопросы и делясь восторгами от увиденного.

Крошечный туристический посёлок на берегу Чёрного моря с двух сторон был укрыт невысокими грядами зелёных гор. Влажный горячий воздух оставлял на губах привкус соли, дразнил ноздри ароматами цветов и фруктов. Света была рада, что сумела подарить маме возможность жить в месте, о котором та мечтала, но сама никогда бы не смогла здесь поселиться. Зимой, наверняка сырой, полутёплой, полупромозглой, здесь тихо и по-своему очаровательно, но летом везде кишели туристы. Как разноцветные мухи, они облепляли пляжи, отели, кафе, сновали по дорожкам, расслабленные и в то же время жадные: до впечатлений, удовольствий, развлечений.

Виолетта Николаевна, мама Светы, встретила их на пороге своего дома – старенького, но аккуратного одноэтажного строения с тенистой верандой и ухоженным садом. Сначала она кинулась к внучке, обняла её мягкими руками, прижала к пышной груди и, разохавшись от нахлынувших чувств, расплакалась.

Света отпустила ручку чемодана, поправила впившиеся в плечи лямки тяжёлого рюкзака и замерла в нерешительности. Она не видела маму такой уже много лет. Виолетта Николаевна поправилась, похорошела, как будто помолодела. Морщины на загорелом лице разгладились, кожа лоснилась от выступивших капелек пота. Глаза – голубые, чудесные, как у Светы, – снова блестели жизнью. Как будто не было ничего: ни смерти любимого мужа, ни потери ребёнка, ни разрыва с дочерью.

«Это хорошо. Возможно, я не зря приехала, и именно сейчас мы сможем что-то исправить», – подумала Света.

– Ну проходите же! Давай сюда поклажу! – Мать немедленно бросилась помогать, не забыв обнять дочь.

Объятия вышли крепкими и искренними. Сквозь запахи новых духов и незнакомого стирального порошка она уловила тот самый запах из детства: мамин, сладкий, мягкий, родной. Света проглотила слёзы и шагнула за порог.

Этот дом они выбирали и покупали вместе с Максом: через Интернет, по фотографиям. Успели вовремя, потому что очень скоро в Краснодарский край устремился поток туристов и переселенцев, а цены взлетели в несколько раз. Судя по всему, мама многое здесь изменила: покрасила стены в зелёный цвет, на увитой виноградом террасе поставила большой круглый стол, во всех комнатах постелила цветастые коврики, обновила мебель. После двухкомнатной хрущёвки, в которой Света провела детство, здесь казалось просторно, уютно, непривычно. Даже мама в каких-то ярких шароварах, кожаных сандалиях и с широкой улыбкой на лице в этих декорациях казалась экзотическим цветком, райской птичкой, спорхнувшей с пальмы на орхидею.

Пахло мясными пирогами, свежими огурцами, только что порезанными лимонами, сладким фруктовым вином. Вот было бы чудо, если бы в эту минуту из дальней комнаты вышел отец. Она помнила о нём меньше, чем хотела бы: высокий рост, крепкие руки, чёрные усы, фланелевая рубашка, запах табака. Отец иногда брал её к себе на работу, в трамвайное депо, где работал механиком, показывал жуткие неподъёмные инструменты, рычаги, колёса, сажал в кабину вагона, а Света вдыхала запахи металла, машинного масла, пластика и не могла поверить, что другим детям нельзя здесь находиться, а ей, особенной, любимой дочке, можно.

Он умер, когда Свете было десять, а Вадиму четыре. Брат наверняка почти ничего не успел запомнить об отце. И эта мысль была так же ужасна, как его смерть.

* * *

Моргнув от неожиданности, Света сощурила глаза. Из комнаты вышел мужчина. Невысокий, поджарый, почти седой, но с роскошными чёрными усами и длинной бородой.

Мама представила их друг другу:

– Это Герам, это Света. А там, где-то на кухне, моя внучка Алина.

Мужчина подошёл, взял Свету за кончики пальцев и, совершенно не стесняясь, поцеловал руку.

– Рад с вами познакомиться.

Опешив, Света лишь кивнула и выдавила подобие улыбки. «Как я могла забыть? Мама же как-то раз говорила...»

Скоро все уселись за стол и принялись за еду. Взяв рукой долму – маленький, завёрнутый в виноградные листья кусочек фарша, – Света обмакнула его в белый соус и отправила в

рот. Свежий, слегка кисловатый вкус растёкся по языку, смешиваясь с сочной мясной начинкой. Она ахнула от удовольствия. Виолетта Николаевна тут же похвасталась, что это коронное блюдо Герама. Мама всегда отлично готовила, но в этот вечер они устроили настоящее кулинарное состязание, в котором победила, конечно, любовь.

Герам, наполовину армянин, наполовину турок, овдовел много лет назад. Он жил по соседству с мамой и, как выяснилось, не один год ухаживал за ней, прежде чем переехал в этот дом. Своё жильё он отдал детям и внукам, которые приезжали во время отпусков и праздников. Работал садовником в одном из отелей неподалёку, и, кажется, ухоженность маминого сада была делом именно его рук.

Света смущалась, замечая, как они смотрят друг на друга, каким чувством полны лёгкие касания, улыбки, шутки. Эти двое излучали свет: так выглядят люди, которые нашли в жизни что-то важное и ценное. В этом чужом сиянии вдруг начали таять старые обиды, злость, упрёки. Что-то тёплое окутало Свету, придало сил, вселило уверенность в лучшем. «Смогу ли я когда-нибудь, пережив то же, что пережила она, снова стать счастливой? Вот так просто, без громких слов, достижений, роскоши – просто почувствовать биение своего сердца, жизнь, которая наполняет каждую клеточку тела, радость от всего, что вижу вокруг?» Мысли текли неспешно, неловкость ушла, тело расслабилось, и вскоре Света начала клевать носом.

– Вы устали с дороги, сходите в душ и баиньки, – предложила Виолетта Николаевна.

– Нет! Аб-ри-ко-сы! – заявила Алина, тщательно выговаривая новое слово и намекая на то, что бабушка обещала показать ей сад.

Света открыла рот, чтобы присмирить дочь и дать отбой, но бабушка хитро улыбнулась обоим и пошла на компромисс.

– Абрикосы? Хорошо. Тогда ты, Света, иди отдыхай и не вздумай протестовать. А мы с внучкой прогуляемся по саду, а потом я её помою и уложу спать. Договорились?

Алина радостно захлопала в ладоши, выкрикивая: «Договорились!» Свете же пришлось впервые за долгое время доверить дочь кому-то, кроме приходящей няни. «В конце концов, это моя мама, она родила двоих детей, и сегодня я привезла к ней дочь, чтобы оставить на несколько недель. Нужно расслабиться и довериться ей». Она устало кивнула и отправилась в ванную комнату.

В восемь утра солнце, ни чуточки не робея, жарило так, словно уже полдень. Света, Алина и Виолетта Николаевна надели купальники, положили в тряпичные сумки бутылки с водой, холодные фрукты, несколько кусков оставшегося с вечера пирога и отправились на пляж.

– Я знаю место, где нет туристов, – подмигнула мама.

К крошечной бухте, скрытой от посторонних глаз выступающими скалами, вела узкая, едва заметная в траве тропинка. Большую часть дороги Алина прошагала самостоятельно и только в самом конце запросилась на руки к маме. Пожалевав, что нет коляски, Света прижала дочь к груди, зарывшись носом в шелковистые кудряшки, чмокнула её в лоб и понесла вперёд свою самую драгоценную ношу. У галечного берега качалась на волнах одинокая лодка, остальные отправились в море. Для местных жителей рыбалка была не развлечением или отдыхом, а способом накормить семью и заработать деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.